

Личные и неличные местоимения в витебских и московских завещаниях второй половины XVI века: состав и функционирование

Климкович О.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Изучение состава и функционирования отдельных частей речи в деловых документах является актуальным аспектом исторической стилистики, так как позволяет выявить региональные и жанровые особенности актовых текстов средневековья. Актуальность исследования определяется важностью изучения стилистических ресурсов употребления частей речи в региональных памятниках, так как это позволяет выявить специфические черты формирования функционально-стилевых разновидностей языка в эпоху средневековья.

Цель представленной работы — установление специфики состава и стилистического функционирования местоимений в витебских и московских завещаниях второй половины XVI в.

Материал и методы. При описании и характеристике материала были проанализированы труды таких лингвистов, как Д.Г. Демидов, Л.К. Крылова, И.В. Кузьмин и др. В исследовании рассмотрены состав и особенности функционирования местоимений, извлеченных методом сплошной выборки из 27 завещаний второй половины XVI в. В работе использованы описательный, статистический и сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируются особенности употребления местоимений 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа, возвратного местоимения себя, притяжательных и указательных местоимений в текстах витебских и московских завещаний. Описаны состав личных местоимений, их грамматические формы, функции, которые они выполняют. Указаны различия в функционировании личных местоимений в завещаниях разной локальной отнесенности. Установлено, что состав притяжательных местоимений в текстах витебских и московских завещаний соотносится с составом личных местоимений. Притяжательные местоимения выполняют функции подчеркивания родственных связей, принадлежности собственности, документов и т.д. составителю завещания или его адресатам; обозначения необходимых временных промежутков; усиления внутритекстовых связей отдельных компонентов. Указательные местоимения в текстах завещаний выполняют функции средства связи отдельных смысловых единиц текста, средства связи отдельных частей в составе сложных предикативных комплексов, постоянных компонентов разнообразных атрибутивных сочетаний, которые одновременно связывают эти единицы как с текстовым пространством, так и с внетекстовой действительностью.

Заключение. Установлено, что из всех местоимений в текстах завещаний чаще всего используются личные, притяжательные и указательные местоимения как в витебских, так и в московских текстах. Представленность местоимений в витебских текстах шире, чем в московских завещаниях. Это определяется как применением таких местоимений, которых нет в московских актах (таковыи, такои, оныи), так и более частым употреблением местоимения себя и его краткой формы се.

Ключевые слова: историческая стилистика, стилистика частей речи, местоимение, духовная грамота.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 120–127)

Personal and Non-personal Pronouns in Vitebsk and Moscow Wills in the Late XVI Century: Composition and Function

Klimkovich O.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The study of the composition and function of parts of speech in business papers is a current aspect of historical stylistics since it makes it possible to reveal regional and genre features of decree texts of the Middle Ages. The topicality of the research is conditioned by the significance of the study of the stylistic resources of the application of parts of speech in regional

---

Адрес для корреспонденции: e-mail: olga-klimkovich@mail.ru — О.А. Климкович

---

monuments since it makes it possible to reveal specific features of shaping functional and style types of the language in the epoch of the Middle Ages.

The purpose of the article is to reveal the specificity of the composition and stylistic function of pronouns in Vitebsk and Moscow wills of the late XVI century.

Material and methods. In describing and characterizing the material works by such linguists as D.G. Demidov, L.K. Krylova, I.V. Kuzmin and others' were analyzed. The composition and features of functioning of pronouns chosen by total selection from 27 wills of the late XVI century are considered in the research. The descriptive, the statistic and the comparative methods were used in the research.

Findings and their discussion. Features of the application of first and third person singular and plural pronouns, the reflexive pronoun *self*, possessive and demonstrative pronouns in the texts of Vitebsk and Moscow wills are analyzed in the article. The composition of personal pronouns, their grammar forms, and functions are described. Differences in functioning of personal pronouns in wills from various localities are indicated. It is found out that the composition of possessive pronouns in texts of Vitebsk and Moscow wills correlates with the composition of personal pronouns. Possessive pronouns perform the functions of stressing family relations, property, document etc. ownership by the will maker or his addressees; indication of the necessary time intervals; strengthening inner text links of separate components. Demonstrative pronouns in will texts perform the functions of means of communication of separate sense units of the text, means of communication of some parts within complex predicates, stable components of various attributive compositions, which simultaneously connect these units both with the text space and the extra-text reality.

Conclusion. It has been found out that of all the pronouns in will texts personal, possessive and demonstrative pronouns are most often used in both Vitebsk and Moscow texts. The pronoun representation in Vitebsk texts is wider than in Moscow wills. It is conditioned by both the application of such pronouns which lack in Moscow acts and more frequent application of the pronoun *self* and its short form.

Key words: historical stylistics, stylistics of parts of speech, pronoun, spiritual letter.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 120–127)

Изучение деловых текстов эпохи средневековья в аспекте исторической стилистики предполагает как описание особенностей композиции, лексического и синтаксического наполнения, так и выявление стилистически маркированных средств морфологического уровня, к которым можно отнести специфику употребления отдельных частей речи. Функционально-стилевой анализ употребления некоторых частей речи в диахроническом аспекте был осуществлен в работах Д.Г. Демидова (указательное местоимение в различных жанрах старорусской письменности) [1], Л.К. Крыловой (имя существительное в памятниках церковной публицистики XI–XVI вв.) [2], Е.В. Генераловой (относительные прилагательные в старорусском языке) [3], И.В. Кузьмина (лексико-семантические группы квантитативных и люминальных прилагательных в русском языке XII–XX вв. в системно-языковом и функционально-речевом аспектах) [4], Е.А. Галинской (количественные числительные в памятниках псковской деловой письменности первой половины XVII века) [5], И.Н. Дьячковой (имена числительные в русском литературном языке XVIII века) [6], Р.Ф. Титовой (имя числительное в деловых документах конца XVII века) [7], Д.В. Руднева (связочные глаголы в русском языке XVII–XIX вв.) [8].

Цель представленной работы – установление особенностей состава и стилистического функционирования местоимений в витебских

и московских завещаниях второй половины XVI в. Актуальность исследования определяется важностью изучения стилистических ресурсов употребления отдельных частей речи в региональных памятниках, так как это позволяет выявить специфические черты формирования функционально-стилевых разновидностей языка в эпоху средневековья. В качестве объекта функционально-стилевого анализа выбрано местоимение, которое как часть речи характеризуется разнообразием лексико-семантических разрядов, грамматических категорий, функционально-стилистической окрашенностью употребления и представляет значительный интерес для изучения в области истории языка.

Материал и методы. Местоимения извлечены методом сплошной выборки из 27 завещаний второй половины XVI в.: 15 завещаний относятся к актам Витебского земского суда и опубликованы в сборнике «Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст.» (№ 34–48); 12 завещаний относятся к документам московских земель и опубликованы в издании «Акты служилых земледельцев XV – начала XVII в.» – том I (№ 279, 282, 288), том II (№ 29, 42, 89, 211, 284, 286) и том III (№ 86, 330, 488).

В работе использованы описательный метод, который был применен для характеристики совокупности лексико-грамматических разрядов местоимений; статистический метод, который включал в себя анализ количественных данных

употребления отдельных разрядов местоимений в исследованных текстах; сравнительный метод, с помощью которого были установлены черты сходства и различия в составе и употреблении местоимений в витебских и московских завещаниях второй половины XVI века.

Результаты и их обсуждение. В исследованных документах представлены личные и неличные местоимения. К личным местоимениям относились местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица и примыкавшее к ним возвратное местоимение *себя*. Среди неличных местоимений в рассмотренных текстах выявлены указательные, притяжательные, определительные, неопределенные, отрицательные и вопросительно-относительные местоимения. При этом наиболее распространены притяжательные и указательные, которые и были подробно охарактеризованы в данной работе. Состав местоимений, относящихся к каждому из разрядов, определяется как целевой установкой актов, так и способами организации внутритекстовых связей, характерных для средневековых текстов.

Основная цель завещания – передача собственности наследникам, поэтому в витебских и московских текстах распространены формы *личных местоимений*. Это формы 1-го лица единственного числа и множественного числа и 3-го лица единственного и множественного числа *я, он, она, они*. Их основная функция – обозначение составителя завещания и его адресатов, которыми, как правило, являются ближайшие родственники: дети, жена, внуки.

В витебских завещаниях местоимение 1-го лица единственного числа функционирует в форме именительного и косвенных падежей: *я, мне, мене, ме, мя, мною*: *Дмитръ, ижъ ѿ, прото ѿ, ѿ в праве стоѿл, и мне подал, на суд мене было ѿдослано, ѿ мене небожчикъ, мне з отцомъ его, а ижъ еще мене, ѿко мене суд земскии витебскии* (ТБ, № 35), *мѿ доместити кажеть* (ТБ, № 37), *ѿ, ме позвал, мне зоставит, ино мне, ѿ, ме, завжды ѿ терпель* (ТБ, № 40). В московских текстах в форме именительного падежа функционируют местоимения *яз, аз, я*; в формах косвенных падежей – местоимения *у меня, меня, мне, ми, при мне*: *дати ми Богдану Лукьянову сыну племяннику своему два рубли денег ... при мне* (АСЗ, II, № 42). Форма *яз* характерна как для оформляющей, так и для содержательной части грамот: *и яз ту память дал брату ж своему Микифору* (АСЗ, I, № 288). В единичных случаях отмечены формы *аз, я*: *а я взял у Григорья конь сурьян* (АСЗ, II,

№ 42), *се аз рабъ божий Кирило Иванов сын Тресков* (АСЗ, I, № 279).

Местоимение 1-го лица множественного числа *мы* в витебских актах используется для обозначения действия в отношении одного лица *нас, нам, нами*: *перестерегаючи насъ* (№ 36), *ѿ насъ ѿбеюхъ сторонъ* (ТБ, № 37), *нас неготовыми не зостал* (ТБ, № 44). В московских духовных местоимение *мы* в формах разных падежей применяется для обозначения завещателя и членов его семьи: *да дати нам с своими детми с Микифором да с Осипом кашинскому строителю Кирилу по кабале семь рублей денег* (АСЗ, II, № 89), *и теми вотчинами благословил нас, меня Ондreja да брата моего Полуехта, отец наш Тимофей Федорович* (АСЗ, II, № 286).

Местоимения 3-го лица в текстах витебских завещаний используются в формах *онъ – его, ему; она – ее, ей, з нею; они – их, им, з них*: *мает ѿна жити, не мает ее рушити, мает ей дати, а ѿна вольна будеть ... ѿн мне, в нег(о) ест, по смерти его, им ѿписую, имъ был терпеливымъ* (ТБ, № 40). В московских актах отмечены формы *ему, ево, за него, на него, на них, им, у них, оне*: *а у ково у них у Салтана или у Ивана будут сыновья, ... оне платят восемь рублей* (АСЗ, II, № 42), *и в недодаче ведает его господарь* (АСЗ, II, № 286).

В одном из московских текстов были выявлены местоимения 2-го лица: *Истома что ни скажет, и вы у него емлите, а счету с ним не держите* (АСЗ, II, № 42).

Функционирование личных местоимений в витебских и московских завещаниях имеет свои особенности: 1) в московских актах стилистически значимы формы Д.п. (*мне, им, ей*) в конструкциях с инфинитивами со значением долженствования, в витебских завещаниях значение долженствования передается конструкциями с глаголом *мети* и формами именительного падежа существительного (ср.: *Да взяти мне на Михаиле на Ваганове и на ево товарищех по кабале пять рублей денег. Да взяти мне на Поснике Гаврилове сыне Пивове полтину денег безкабално* (АСЗ, II, № 42) и *Мають ей, матце своеи, сынове мои Иван а Андреи Воротынцы половицѿ маетности моее всеѿ ѿт мала до велика ѿтдати* (ТБ, № 46)); 2) в витебских завещаниях основная форма 1-го лица единственного числа – форма *я*, в то время как для московских актов характерно употребление форм *яз*.

Возвратное местоимение *себя* в витебских и московских текстах выполняет функцию указания на отнесенность какого-либо явления к субъекту.

ектам или объектам завещания: *яко се само в собе мает, маю по собе*. При этом основной является функция указания на отнесенность явления к субъекту речи. В витебских и московских текстах возвратное местоимение используется как в полной, так и в краткой форме. В полной форме в витебских текстах оно употребляется в составе устойчивых сочетаний в различных падежных формах с глаголами *маеть*: *яко се само в собе мает, не маеть собе, то маеть собе мети, ничего собе певнешого не мает, мает до себе взят, и себе маю*; с глаголами *братъ, взять, поделити, зостати, отдаляти, держати и вживати*: *собе взят, промежь собою поделити, по собе зостала, ѿт себе ѿтдаляти, на себе деръжати и вживати, на себе держалъ и вживал, на себе братъ и вживать*; с глагольными формами *приводечы по собе, фундуючы собе, дознавши кѣ собе во всем, дознавши кѣ собе по собе*. В московских актах возвратное местоимение в полной форме встречается не так часто: *что они у меня розделены со всем з животы и статки при себе до постригання за десять лет, а оставил есми у себя в монастыре (АСЗ, II, № 29), промежь себя счету мимо сю мою духовную грамоту не держати ... меж себя полюбовно делить... (АСЗ, II, № 42), пишу собе духовную память ... сорокоуст по собе давати по церквам (АСЗ, II, № 89), дал в дом вкладу по себе (АСЗ, II, № 286), хто что за собою мое вспомн[ит], и вотчина моя обема сыном моим розделять себе пополам (АСЗ, III, № 86)*. Краткая форма возвратных местоимений встречается в витебских завещаниях в конструкции с глаголами *тъкнути, дотычети*: *а што се тъкнетъ имениа моего ѿтъчызьного ѿ Раненах и крѣгъ земли ѿ хольмех (ТБ, № 34), што се дотычет ѿ землю мою Кичиньскую (ТБ, № 35), с некоторыми глаголами и глагольными формами (уступовати, начинати, вымовляти): и дочьки мои ѿ тотъ статокъ ничымъ не мають се ѿстѣповати (ТБ, № 34), а тые полд и сеножать и листъ ему вернуть, ничим се не вымовляючи (ТБ, № 39)*. В московских завещаниях краткая форма зафиксирована в предложении *а что ся останет после моего живота платья, и детям моим то платье меж себя полюбовно делить (АСЗ, II, № 42)*.

Региональные особенности функционирования возвратных местоимений проявляются в том, что в витебских текстах сочетания с возвратными местоимениями встречаются чаще, чем в московских грамотах, и указывают на отнесенность явления к субъектам или объектам речи, в то время как в московских завещаниях

такие местоимения указывают в основном на отнесенность к субъекту.

Среди многочисленных неличных местоимений и в витебских, и в московских документах распространены притяжательные и указательные местоимения.

Состав *притяжательных местоимений* в текстах витебских и московских завещаний соотносится с составом личных местоимений и представлен формами наиболее распространенных местоимений *мои, наши* и *свои*, а также формами местоимений, указывающих на принадлежность 3-му лицу *его, ее, их*. Существует разница в употреблении местоимения *наши*: в витебских текстах оно используется исключительно в сочетаниях *ѿт предков наших, Г(о)с(по)дѣ нашиъ Исус Христос*, в московских текстах как в сочетаниях *души наши, родителей наших*, так и для указания собственности семьи *хто учинит в наших вотчинах насилство, и с тем нас судит Бог, и души наши и родителей наших бес поминка будут, то на его душе (АСЗ, II, 286)*.

Анализ текстов позволяет сказать, что в завещаниях основные функции притяжательных местоимений заключаются в том, чтобы а) подчеркнуть родственные связи, принадлежность собственности, документов и т.д. составителю завещания или его адресатам (*зь сынами моими, дети своих, маетьности моее, люди моих*); б) в составе устойчивых сочетаний обозначить необходимые временные промежутки (*до живота ее*); в) путем многократных повторений в составе разного типа атрибутивных сочетаний усилить внутритекстовые связи отдельных компонентов.

Местоимения *мои, наши, свои, его, ее, их* в витебских и московских текстах являются частью атрибутивных сочетаний, состоящих из двух, трех или четырех компонентов. При этом трех- и четырехкомпонентные сочетания больше характерны для витебских текстов, в московских грамотах их число незначительно.

Двухкомпонентные сочетания построены по модели *сущ. + мои / свои / его / ее / их*, в которой сущ. указывают на родственников (*дочьце моеи, жона моя, зь сынами моими, дети свои, матьки своеи, братья их* (витебские тексты); *брату своему, дети своих, сыну моему, дядя мой, жене моеи, брату моему* (московские тексты)), собственность (*маетьности моее, двора моего, на имению моему, можьности своеи, челяди еи* (витебские тексты); *вотчина наша, на поместьях на своих, люди моих* (московские тексты)), печати,

документы (*печати свои, водлугъ росписанѣ моег(о)*) (витебские тексты); *руку свою* (московские тексты)), душу и тело завещателя (*душу мою, тело мое* (витебские тексты); *по душе моей* (московские тексты)); на периоды жизни (*до живота ее, до живота своего, по животе своемъ* (витебские тексты); *после моего живота, при моем животе* (московские тексты)). Указания на понятия, связанные с религией (*Еванелии своее*), границы собственности (*Ѹ границахъ и въ ѡбыходехъ своихъ*), абстрактные понятия (*хоробою своею, ласку свою, на потребности ихъ*) характерны только для исследованных витебских завещаний.

Двухкомпонентные сочетания с препозитивным притяжательным местоимением *ее / свои + суц.* употребляются в витебских завещаниях в единичных случаях: *ее статокъ, кѸ своимъ рукамъ*. В московских актах препозиция притяжательного местоимения широко распространена: *с моими детьми, по моей душе, после моего живота, при моем животе, на свое имя, мое благословение*. Фиксируется употребление лексически однотипных сочетаний с разной последовательностью лексем в пределах одного предложения: *дать на престол к Илье пророку да по душе моей попу Русину полтину ... да по моей душе попу полтина ж* (АСЗ, I, № 279).

Двухкомпонентные сочетания могут быть распространены за счет добавления в их состав прилагательного. Для витебских текстов в таком случае типичной является модель *суц. + мои / свои / его / ее / их + прилаг.*, с помощью которой вербализуется указание на собственность (*именя моего ѡтъчызного, съ челади моее дворное*), детей (*сынъ мои большыи, сыны мои молодшыи, сыномъ моим старшимъ, дочки моее выпасажоное*), документы (*Ѹ листе ихъ заставномъ, водле листу моего записного*), понятия, связанные с упоминанием Бога (*до фалы Своее Светое*), временные промежутки (*до летъ ихъ зуполныхъ, з летъ своих молодыхъ*), абстрактные понятия (*з милости моее ѡтцовъское, воли моее ѡстаточное*). В московских текстах по указанной модели строится сочетание, содержащее упоминание духовного отца *отец мой духовной, за отца своего духовного*, тела завещателя *тело мое грешное*, собственности людей *моих кабальных и полных, вотчиною своею старинною*.

В витебских текстах также наблюдаются трехкомпонентные сочетания, в которых прилагательное употребляется сразу после существительного или перед существительным. Атрибутивные сочетания, построенные по модели *суц. + прилаг. +*

мои / свои / его / ее / их, используются при указании на дееспособность завещателя (*розѸме добромъ моемъ*), атрибутивные сочетания, построенные по модели *прилаг. + суц. + мои / свои*, применяются при указании на волю завещателя (*ѡстаточное воли моее*), абстрактные понятия (*з милостивое ласки своее*), детей (*старшого сына моег(о)*), печати (*печат мою властную*). В московских актах атрибутивные сочетания, построенные по модели *прилаг. + суц. + наше*, отмечены только один раз при указании Богоматери: *пречистые преблагословенные владычице наше* (АСЗ, I, № 288).

Расположение притяжательного местоимения перед существительным, характерное для московских актов, проявляется в построении трехкомпонентных сочетаний с прилагательным и притяжательным местоимением, которые строятся по моделям *мои / свои / его / ее / их + прилаг. + суц.*: *своим целым умом и разумом, свою изусную память, по моей духовной грамоте, своево приданово благословенья, ево переславской вотчины, мое грешное тело; мои / свои + суц. + прилаг.*: *свою душу грешную, по мою душу грешную; прилаг. + мои / свои + суц.*: *дорогобужскую свою вотчину*.

Особую группу в витебских текстах представляют собой сочетания с обобщающим значением, в которых к модели *суц. + мои* добавляется определительное местоимение *весь*. Такие сочетания строятся по моделям *суц. + мои + весь, весь + суц. + мои*: *сыномъ моимъ всимъ, ѡто всихъ детеи моихъ*. В московских актах сочетания подобного типа редки и построены по модели *весь + свои + суц.*: *по всех своих родителей* (АСЗ, II, № 286) *по всех моих родите[лех]* (АСЗ, III, № 330).

Четырехкомпонентные сочетания *весь + суц. + мои + прилаг.*, *суц. + мои + прилаг. + прилаг.* используются для обозначения собственности *всег(о) именья моего ѡтъчызного, вси речи мои рухомые, з маетности моее zostалое грошовои*.

Употребление притяжательных местоимений в исследованных актах характеризуется следующими локальными особенностями: 1) использованием в московских актах местоимения *наш* не только при определении родителей и души завещателя, но и при описании собственности, в то время как в витебских завещаниях это местоимение характерно только для указания на Бога и предков завещателя; 2) широким распространением в витебских

актах трех- и четырехкомпонентных сочетаний с притяжательными местоимениями и прилагательными и незначительным числом таких сочетаний в московских актах; 3) расхождением в построении двух- и трехкомпонентных атрибутивных сочетаний за счет постпозиции притяжательного местоимения в витебских текстах и препозиции этого местоимений в московских актах.

Состав **указательных местоимений** в текстах витебских завещаний представлен формами местоимений *тотъ, сесь, таковыи, такои, оныи*. В московских текстах в состав указательных местоимений входят местоимения *тот, сесь*.

Местоимение *тотъ* является самым значимым не только по количеству словоупотреблений, но и по разнообразию грамматических форм и выполняемых им функций как в витебских, так и в московских текстах. В старорусских и старобелорусских текстах установлены три основные функции местоимения *тотъ*: а) средство связи отдельных смысловых единиц текста; б) средство связи отдельных частей в составе сложных предикативных комплексов; в) постоянный компонент разнообразных атрибутивных сочетаний, который одновременно связывает эти единицы как с текстовым пространством, так и с внетекстовой действительностью.

В качестве средства связи отдельных смысловых единиц текста в витебских и московских завещаниях местоимение *тотъ* выполняет функцию отсылки ко всему содержанию текста, обозначая связь отдельных блоков с предыдущим содержанием документа. Функция отсылки ко всему тексту документа реализуется в витебских завещаниях при употреблении местоимения *тотъ* в начале смысловых блоков 1) со значением именованя свидетелей: *а при том были и томѣ добре есть зведоми люди добрые земляне г(о)с(по)д(а)рьские витебьские: панъ Гурько Ѡлехновичъ ... (ТБ, № 34); 2) со значением указания юридического закрепления акта: и на то га, Илья Павлович Воротынец, дал малжонце своеи Мари Толтанце и сыном моим Иванѣ ... сес мои тестамент ѡстаточное воли моее под печатью моею власною, запечатовавши тот тестамент мои (ТБ, № 46). В московских актах эта функция реализуется в отдельных предложениях основной части: *а на нем взяти конь, ино тем с ним сменяно (АСЗ, II, № 286).**

Как средство связи отдельных частей сложных предикативных комплексов местоимение *тотъ* в витебских завещаниях употребляется

в конструкциях 1) *што ..., то... што не бывает варовано писмом, то трвало не бывает (ТБ, № 42); 2) што ..., тую ... што маю убогое маетности моее, тую ѡтписую (ТБ, № 39); 3) хто ..., тот ... ахто бы колве препомневши боязни Божое важилсе тую ѡстатнюю волю мою сим тестаментом моим ѡбварованую ... ѡдин дрѣгому нарушати, тот се со мною розсудит в ден ѡстатнии на справедливом суде Божемъ (ТБ, № 41); 4) ... того ..., кого ... везавъшы до того в хоробе моеи кого есми досегнут и упросит мог (ТБ, № 42).*

В московских завещаниях местоимение *тот* реализует функцию связи отдельных предикативных комплексов в конструкциях 1) *да / а что ..., и яз тою половиною / и тому / и то: да что в Углицком уезде в Кацком стану деревня Золотухина вопче с братом моим с Сидором ... и яз тою половиною деревни благословил жену свою Ирину (АСЗ, I, № 282), а что рухляди моей и доспеху и платья пошло со мною в Астрохань, и тому у меня память есть (АСЗ, II, № 284), а что было всяких к тому ходу нарядов и соболей, и то все взято по грехом по моим во государево опале на государя. (АСЗ, III, № 86); 2) а на ком ..., у тех ...: а на ком что написано мне имати, и хто что за собою мое вспомн[ит], и сыну моему у тех имати. и сыну моему ту цену роздати нищим по тем, кому было что дати (АСЗ, III, № 86); 3) ... со всем тем, что ...: да деревня Фешииньская Хлыстова со всем с тем, что к тем селам и деревням [по]тягло (АСЗ, III, № 86); 4) ... по тому ж, как ...: оброк имать с них по тому ж, как жил[и за] сыном за моим за Михаилом (АСЗ, III, № 330). А невестке моей Овдотье ис того селц[а и] из деревни крестьян вон не выгнать, оброк имать с них по тому ж, как жил[и за] сыном за моим за Михаилом (АСЗ, III, № 330).*

Местоимение *тотъ* является частью атрибутивных сочетаний, содержащих упоминание ранее названных объектов, адресатов завещания. Состав наиболее частых из них можно представить следующими двух-, трех- или четырехкомпонентными моделями: 1) двухкомпонентная модель *тотъ+сущ.* указывает а) на уже ранее упоминавшиеся объекты внетекстовой реальности (*ѡ тот кgrund, в тот ж ров, в тую ж реку Лучосу, и по тот ручаи (ТБ, № 35)* (витебские тексты); *теми деревнями, те деревни, те деньги (АСЗ, I, № 279), те пустоши, те вотчины, тех людей (АСЗ, II, № 29), за тем же вкладом (АСЗ, II, № 286)* (московские тексты)); б) на документы *до тог(о) листу (ТБ, № 38)* (витебские тексты);

тем кабалам (АСЗ, II, № 89) по тем грамотам (АСЗ, III, № 86) (московские тексты); в) на границы определенного времени (до тог(о) ч(а)су (ТБ, № 35), на тот часъ (ТБ, № 38) (витебские тексты)); 2) трехкомпонентная модель *тоть+суц.+мои / свои* чаще всего употребляется а) при указании на ранее упоминавшихся родственников (*тата ѡнѡка моя, того жь сына моего, томѡ зятю своемѡ* (ТБ, № 37)); б) при указании на документ (*тымь моимь тестаментомь* (ТБ, № 35)) в витебских текстах. В московских актах употребляется модель *тоть+мои / свои+суц.* при указании на собственность (*та моя вотчина* (АСЗ, I, № 288)) и модель *тоть+весь+суц.* при указании на документы (*по тем по всем кабалам* (АСЗ, II, 286)); 3) четырехкомпонентные модели *тоть+суц.+мои / свои+звышьпомененыи / вышеипомененыи; тоть+весь+суц.+прилагательное; тоть+весь+суц.+мои / свои* используются при обобщенном перечислении отдельных объектов собственности или при обобщенном указании на всю собственность завещателя в витебских документах (*тые села мои [зв]ышьпомененые* (ТБ, № 37), *тое звышьпомененое имене мое* (ТБ, № 36), *тые вси речи рѡхомые* (ТБ, № 34), *тую всю маетность мою* (ТБ, № 44), *с тое всее ѡселости моее* (ТБ, № 37)). В московских актах отмечено несколько четырехкомпонентных сочетаний: *тое моей хлебной продажи* (АСЗ, II, № 42), *опрично тех моих ближних приятелех* (АСЗ, II, № 211).

Местоимение *сеи / сесь* в текстах витебских завещаний выполняет функции отсылки к содержанию текста и отсылки к внетекстовой реальности. В текстах преобладают случаи, в которых с помощью местоимения *сеи / сесь* реализуется отсылка к содержанию текста. Указательное местоимение употребляется в двухкомпонентных (*сего [тест]аментѡ, до сего тестаментѡ* (ТБ, № 36)); трехкомпонентных (*сего тестаменту моего, до сего моего тестаменту, сим тестаментомь моим, водлугъ сего тестаменту моег(о)* (ТБ, № 41)) или четырехкомпонентных (*в семь тестаменте моемъ нижеипомененомь* (ТБ, № 36)) атрибутивных сочетаниях с лексемами *тестаментъ, духовница, слово, постановенье: на сеи ѡѡховницы моеи* (ТБ, № 40), *сее ѡстаточное слово мое смерьтное* (ТБ, № 37), *се слово [мое] [см]ертелное* (ТБ, № 44), *сее постановенье мое* (ТБ, № 48). Реализуя функцию связи содержания текста с внетекстовой действительностью, местоимение *сесь* употребляется в сочетаниях с лексемами, обозначающими время, место, во-

леизъявление: *час, свет, воля: на сес часъ* (ТБ, № 37), *на сем свете, з сего света* (ТБ, № 46), *сее [остат]нее воли моее* (ТБ, № 44).

В московских грамотах употребление местоимения *сеи / сесь* более ограничено. Типичными являются двух-, трех- или четырехкомпонентные модели со словами *грамота, память, духовная: сию память* (АСЗ, I, № 282), *сей духовной* (АСЗ, III, № 86), *сю мою духовную грамоту, сей духовной грамоте* (АСЗ, I, № 279), *к сей изустной памяти* (АСЗ, I, № 288), *сей моей духовной, сей духовной памяти* (АСЗ, II, № 42). В одной грамоте встретилось сочетание *отходя сего света* (АСЗ, I, № 288). Анализируя подобные сочетания со словом *грамота* в русских документах, Д.Г. Демидов отмечает, что за счет употребления притяжательных местоимений уже с середины XV века расширяется эгоцентрическая формула [1, с. 277].

Местоимение *таковыи* в витебских завещаниях употребляется в сочетании с абстрактными существительными *вольность, поступокъ, зычливость: и волность таковую заховую, за таковым поступком* (ТБ, № 38), *за таковѡю вел[икую] зычливость* (ТБ, № 44), *за таковые ѡчтивые постѡпки их, за таковое спротивеньство* (ТБ, № 48). Местоимения *оныи* и *такои:* *на ѡном свете* (ТБ, № 48), *в такои хоробе* (ТБ, № 36), *такимъ вбычаемь* (ТБ, № 41) – зафиксированы в текстах в единичных случаях, что свидетельствует о редкости их употребления в витебских завещаниях. В московских актах местоимения *таковыи, такои, оныи* в текстах не зафиксированы.

Заключение. Проведенное исследование помогает установить определенные закономерности распределения лексико-семантических разрядов местоимений, которые обусловлены жанрово-стилевой принадлежностью изученных текстов. Установлено, что из всех местоимений в текстах завещаний чаще всего используются личные, притяжательные и указательные местоимения как в витебских, так и в московских актах.

Сравнение витебских и московских завещаний позволяет выявить сходства и различия в составе и особенностях функционирования личных и неличных местоимений, обусловленные локальной отнесенностью текста. Представленность местоимений в витебских текстах шире, чем в московских завещаниях. Это определяется как применением таких местоимений, которых нет в московских актах (*таковыи, такои, оныи*), так и более частым употреблением местоимения *себя* и его краткой формы *се*.

Особенности употребления личных и неличных местоимений проявляются как в наличии общих тенденций их функционирования (обозначение составителя завещания и его адресатов для личных местоимений, указание субъекта для возвратных местоимений, реализация функции связности текста для указательных местоимений), так и в существовании особенностей функционирования, характеризующихся локальной отнесенностью (употребление форм личного местоимения *я – яз*, использование притяжательно-го местоимения *наш*).

Источники

АСЗ – Акты служилых земледельцев XV – начала XVII в.: в 4 т. / сост.: А.В. Антонов, К.В. Баранов. – М.: «Археографический центр». – 1997–2008. – 4 т.
ТБ – Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад.: А.Ф. Аляксандрава, В.У. Бабкова, І.М. Бобер; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск, 2012. – 736 с.

Литература

1. Демидов, Д.Г. Указательные местоимения русского языка в исторической ретроспективе и перспективе: связанные и свободные функции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Д.Г. Демидов. – СПб., 2011. – 611 с.
2. Крылова, Л.К. Морфологическая стилистика как проблема исторической стилистики русского языка [Электронный ресурс] / Л.К. Крылова // Вестник ННГУ. – 2013. – № 6-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-problema-istoricheskoy-stilistiki-russkogo-yazyka>. – Дата доступа: 01.07.2018.
3. Генералова, Е.В. Относительные прилагательные в старорусском языке: становление системы [Электронный ресурс] / Е.В. Генералова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2017. – № 45. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnositelnye-prilagatelnye-v-starorusskom-yazyke-stanovlenie-sistemy>. – Дата доступа: 01.07.2018.
4. Кузьмин, И.В. История лексико-семантических групп количественных и люминальных прилагательных в русском языке XII–XX вв. в системно-языковом и функционально-речевом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Кузьмин; Нижегород. гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2003. – 23 с.
5. Галинская, Е.А. Количественные числительные в памятниках псковской деловой письменности первой половины XVII века [Электронный ресурс] / Е.А. Галинская. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru>. – Дата доступа: 30.06.2018.
6. Дьячкова, И.Н. Имена числительные: состав, структура и функционирование в русском литературном языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.Н. Дьячкова; Карельс. гос. пед. акад. – СПб., 2009. – 23 с.
7. Титова, Р.Ф. Имя числительное в деловых документах конца XVII века (Дела Азовской приказной палаты) / Р.Ф. Титова // Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. – 1962. – Т. 42. – С. 89–93.
8. Руднев, Д.В. Святочные глаголы в русском языке XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Д.В. Руднев; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2015. – 47 с.

Поступила в редакцию 29.06.2018 г.